

A black and white portrait of Greta Garbo. She is wearing an elaborate, jeweled headpiece with a large central ornament and long, dangling earrings. Her hands are crossed in front of her chin, and she is wearing a large, dark, rectangular ring. The background is plain white.

ГРЕТА
ГАРБО

И СПОВЕДЬ
ПАДШЕГО АНГЕЛА

Женщина, покорившая мир

Софья Бенуа

**Грета Гарбо. Исповедь
падшего ангела**

«Алгоритм»

2013

Бенуа С.

Грета Гарбо. Исповедь падшего ангела / С. Бенуа — «Алгоритм», 2013 — (Женщина, покорившая мир)

Грета Гарбо – одна из самых романтических и самых загадочных фигур в мировом кинематографе. Гарбо была необыкновенно красива: пропорции ее лица соответствовали пропорциям лиц античных статуй, а пропорции тела – образцу античной красоты Венеры Милосской. Эта северная женщина с классическими чертами лица, стала символом той женственности, которую мужчинам не дано постичь. Гарбо никогда не давала интервью, не подписывала автографы, не присутствовала на премьерах своих фильмов и не отвечала на письма поклонников. Полвека она одиноко прожила в Нью-Йорке, избегая репортеров и выходя на улицу в темных очках, закрывающих лицо. Великая актриса так и осталась «таинственной Гарбо». И только немногим авторам удалось рассказать всё о её многочисленных любовных связях. Эта книга-сенсация о личной жизни звезды Мирового кинематографа XX столетия.

© Бенуа С., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Софья Бенуа

Грета Гарбо. Исповедь падшего ангела

© Бенуа С., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

«Случай гарбо – это случай рождения звезды на пленке»

Известный английский критик Александр Уолкер в 1980 году написал: «В Голливуде были, есть и будут только две великих «звезды» – Грета Гарбо и Чарли Чаплин. А другие, на первый взгляд не менее знаменитые и талантливые, были лишь подданными в свите этих некоронованных королей экрана».

Взлет великой голливудской актрисы Греты Гарбо начался после того, как в 1923 году она попала под крыло к Морицу Стиллеру – еврейскому режиссеру, выходцу из России, который к тому времени в Швеции уже снял более сорока картин. Чтобы приобрести известность и выбиться на первый план, Стиллер задумал грамотный ход, ловко используемый *всеми пионерами кино*, – найти подходящий объект и сделать из него «звезду». Эта традиция в великом искусстве кино жива и по сей день.

В момент их знакомства Грете исполнилось восемнадцать лет, она была студенткой школы драматургического искусства, неуклюжей и неуверенной в своих силах. Этот «еврей в желтой меховой шубе» не только нашел необыкновенно красивую девушку, но, дав ей сценическое имя, превратил в звезду мирового масштаба. «Годы учебы в Стокгольмской школе драматического искусства были самыми счастливыми в моей жизни, – откровенно признается Грета, к тому времени уже давно ставшая великой и признанной во всем мире актрисой. – Нас, по крайней мере, обучили правильной артикуляции, а сейчас даже трудно понять, что говорят актеры. Однако побеждать свой страх перед зрителем я так и не научилась. Я всегда была застенчивой, слишком скрытной, чтобы заставить себя предстать перед толпой зрителей. Да и в павильоне присутствие посторонних людей мешало мне сконцентрироваться».

Первые успехи в совместном творчестве были более чем скромны. Всего за 160 фунтов стерлингов Грета Гарбо сыграла ведущую роль в фильме «Сага о Йосте Берлинге» (по мотивам замечательного романа Сельмы Лагерлеф, ставшей впоследствии лауреатом Нобелевской премии). Фильм вышел на экраны в 1924 году. Вспоминая тот период, много позже Грета Гарбо скажет: «Наша семья была очень бедной. Как же я ликовала, когда на гонорар от фильма «Сага о Йосте Берлинге» смогла купить матери браслет и кольцо. Кстати, мои длинные ресницы я унаследовала от нее».

Следующий фильм «Die freudlose Gasse» («Безрадостный переулок», снятый С.Б. Пабстом) привлек к себе уже большее внимание зрителей и критиков – потому что «именно в этой картине, мрачном этюде послевоенного общества, чувственность Гарбо впервые нашла свое воплощение на целлулоидной пленке».

Решив сниматься у немецкого режиссера Пабста, Гарбо и Стиллер, пребывавшие к тому времени в Константинополе, отправились в Стокгольм, а по пути сделали остановку в Германии. Тогда же некий Луис Б. Майер успел посмотреть «Сагу о Йосте Берлинге» и пригласил Гарбо и ее продюсера Стиллера в Голливуд. Парочка была на седьмом небе от счастья: наконец-то ожидаемый успех, деньги, слава...

Таким образом, в 1925 году, пребывая в самых радостных предчувствиях, пара отплыла в Америку. Но разочарование не заставило себя ждать; пресса была равнодушна к девчонке. Ее внешность и талант никого не заинтересовали. Разве что репортер «МГМ» написал несколько лестных строк. А через некоторое время пришел Его величество Счастливый случай. Снимки с фотосессии помогли Грете Гарбо пробиться на страницы нью-йоркской «Вэнити Фэр», и Луис Майер, пригласивший актрису, был вынужден отреагировать. Гарбо вызвали в Голливуд и оказали прием, подобающий настоящей звезде. История киноиндустрии свидетельствует, что

Стиллеру повезло меньше, чем его подопечной: он был одним из тех, кого переманил к себе Голливуд, но которым так и не нашлось места на фабрике грез. Стиллер снял там два фильма для студии «Парамаунт»; другие его работы, так и оставшиеся практически никому не известными, были сделаны с участием других режиссеров. Вскоре он возвратился в Швецию, где и умер в 1928 году.

* * *

Нам охотно повторяют: когда Гарбо приехала в Голливуд и были сделаны ее первые фотопробы, их результаты потрясли многих киношников. Пропорции ее лица – высота лба равнялась расстоянию между глазами, а также между подбородком и кончиком носа – соответствовали пропорциям лиц античных статуй, а пропорции тела – образцу античной красоты Венеры Милосской. Правда, другие ее поклонники утверждали, что своими широкими плечами, узкими бедрами и длинными ногами Гарбо, скорее, похожа на античного мальчика.

К тому же, как оказалось, Гарбо была великолепной драматической актрисой. Холодная, немногословная женщина полностью преображалась, как только входила в роль. Говорят, она играла по наитию, пренебрегая правилами актерской школы. «Гарбо была интуитивной актрисой, – говорил хорошо знавший ее постановщик Р. Мамулян. – С ее интуицией она легко демонстрировала самые разные эмоциональные состояния. Не требовалось говорить ей: «Посмотрите сюда, взгляните туда». Нужно было только сказать, какую эмоцию она должна показать в этой сцене. «Я поняла», – отвечала Гарбо, внимательно выслушав. И она действительно все понимала, потому что ее лицо сразу обретало нужное выражение. С ним согласовывалось и движение тела. Гарбо обладала двумя воистину неоценимыми для кино качествами – фотогеничностью и интуицией. В этом она была абсолютно уникальна».

Конечно же, не всем красивым и талантливым актрисам удавалось и удается пробиться в кино. Для этого необходим особый пропуск – фотогеничность. Вернее киногеничность. У Гарбо дара природы было с лихвой. Знаменитый голливудский режиссер Билли Уайлдер писал: «Чудо Гарбо – это чудо целлулоида. На пленке ее лицо полностью преображалось, становясь ликом звезды, на котором зритель пытается прочесть все тайны женской души. Эмульсионный слой пленки невероятным образом сообщает плоскому изображению глубину и таинственность. Случай Гарбо – это случай рождения звезды на пленке». Нельзя нам забывать и такой нюанс: то была пленка немого, черно-белого кино! – из времени самых выразительных лиц и неподдельных эмоций.

Но если вы думаете, что слава пришла к ней с первых секунд появления на голливудской кинопленке, то будете не правы. Роль в первой американской картине «Поток» (1926 г.) Грете удалось получить благодаря болезни другой актрисы. При этом отзывы критики оказались далекими от тех, что полагались восходящей звезде. И даже ее необычная красота не впечатлила газетчиков! «Мисс Гарбо отнюдь не обладает совершенной красотой, но она потрясающая актриса». И то ладно...

Ее следующий фильм «Искусительница» превратил юную актрису в бесценное приобретение для студии. Ибо явственно открылся удивительный дар Гарбо без видимых усилий воплощать на экране любовное томление (что, впрочем, делало всех ее партнеров в кадре ужасно скованными; не оттого ли фильмы тех лет кажутся нам столь наивными?).

Перевоплощение звезды положило начало знаменитому романтическому сотрудничеству между Гретой Гарбо и Джоном Гилбертом, начатому с картины «Плоть и дьявол» (1927 год) и продолжавшемся до тех пор, как немые фильмы обрели звук. Из всех фильмов с участием Гарбо и Гилберта не сохранился лишь один – «Божественная женщина» (1928 год).

Звуковое кино, давшее шанс одним, нещадно вычищало из своих рядов других, зачастую уже заслуживших любовь зрителей. Но зрительская любовь так коротка... Грете Гарбо повезло.

Зрителей буквально завораживал ее глубокий грудной скандинавский голос. В то время она еще говорила по-английски не совсем правильно, с сильным шведским акцентом, но даже ошибки в ее произношении умиляли многих.

Самое удивительное, что Грета в жизни и Грета на экране – пусть не разительно, но все же отличались. В обыденной жизни актриса была несколько ширококостной, с крупным носом и мальчишеской походкой, но камера превращала ее в обворожительно-утонченное создание. Так что прав был режиссер Билли Уайлдер, сказавший: «Чудо Гарбо – это чудо целлулоида».

Гарбо не вписывалась в давно принятые кинематографом рамки, она была единственной и неповторимой.

Современница актрисы поэтесса Айрис Гри оставила нам необыкновенное сравнение: когда Гарбо смежает веки, ее длинные ресницы цепляются друг за дружку, а когда она снова открывает глаза, слышится шуршание, словно бабочка взмахивает крыльями. Очень поэтично, но и очень чувственно. Забегая вперед, следует сказать, что актриса вызывала бурные чувства не только у мужчин...

По словам Кеннета Тайнея, влюбленного в кинематографический образ звезды, «то, что вы видите в других женщинах будучи пьяным, в Гарбо вы видите трезвым».

Всех, без исключения, трогало то, что она демонстрировала на экране; «Она могла откидывать назад голову едва ли не под прямым углом к позвоночнику и целовать жадно мужчину, взяв его лицо в ладони так, что казалось, она пьет с его губ некий напиток». Такого жеста ожидали все ее поклонники – и мужчины, и женщины, бывавшие в объятиях темпераментной звезды.

Существовало и другое качество, которое превращало Гарбо в *первую* среди всех прочих актрис, – ее удивительная загадочность и непохожесть на остальных. Сфинкс – вот образ, который чаще всего всплывал в многочисленных статьях о ней. И это устойчивое сравнение справедливо делает Грету Гарбо великой загадкой, а по сути – просто бессмертной.

Глава 2

Макс Гумпель и Мориц Стиллер – два первых...

Будущая звезда родилась 15 сентября 1905 года под именем Греты Густафсон в бедной шведской семье. Ее предки были крестьянами, а родители, став горожанами в первом поколении, не имели постоянной работы и чаще всего перебивались случайными заработками.

В 1919 году отец девочки серьезно заболел, и семья, понятное дело, вскоре осталась без гроша. Мать, старшая сестра и брат начали ходить на заработки. Тогда как Грета вынуждена была сидеть с тяжелобольным отцом. Позднее она расскажет, что одна клиника из благотворительности раз в неделю делала отцу процедуры, облегчая его страдания. Сидя у постели умирающего отца, девочка решила, что сделает все, чтобы стать богатой. Так нужда и болезнь зародили в ее сердечке мечту...

«Я росла странным ребенком, – однажды признается она. – Почти не спала, ночами бродила по дому. Вытянувшись буквально за год, я была выше всех моих одноклассников, но была очень слабой, часто болела, страдала от жестокой анемии... С детства я была неуверенна в себе, жила на свете с предчувствием, что вот-вот разразится какое-то несчастье. Впервые оно появилось у постели умирающего отца. Мне было тогда 15 лет. Потом умерла моя сестра Альва. Она была красивее и талантливее меня, а умерла совсем молодой в возрасте 24 лет от рака лимфатических сосудов».

Формальное образование Греты закончилось вместе с начавшейся болезнью отца; но после его смерти в школу она уже не вернулась.

С этого момента и началось ее вхождение во взрослую жизнь. Поскольку ее рост был 168 см, то она выглядела как взрослая девушка. А посему на семейном совете было решено, что Грета должна найти работу и приносить доход. Первым местом, куда она устроилась, была парикмахерская, немногим позже – шляпный отдел крупнейшего универмага Стокгольма. Однажды, когда в магазин поступила новая партия модных дамских шляп, симпатичной девушке предложили их порекламировать. Снимки получились столь удачными, что вскоре Грете Густафсон начали снимать в рекламном фильме.

Вместе с ней в съемках участвовал и племянник богатого промышленника Макса Гумпеля; дядюшка как-то заехал в павильон и впервые увидел хрупкую девчонку, захватившую его воображение. Ему ничего не стоило соблазнить бедную простушку. Вскоре завязалась любовная связь, благодаря которой Грета почувствовала вкус к роскоши и подаркам. Она еще более страстно захотела выбиться в люди, стать богатой и тем самым – независимой от многих жизненных потрясений.

Однако богатый шведский аристократ Макс Гумпель не собирался жениться, ведь девушка с рабочей окраины была ему не парой. О мучениях этого юного создания можно лишь догадываться; история всех Золушек, нашедших и не получивших своего принца, одинакова во всех странах мира...

Гумпель стал первым мужчиной в жизни Гарбо. Он же показал ей, как настоящие мужчины ценят своих любовниц. Подаренное им золотое кольцо с бриллиантами она больше никогда не снимет и будет носить его даже в Голливуде, будучи богатой и знаменитой.

Грета Густафсон отрицала бедность, всеми силами она стремилась вверх, в высшее общество, и единственный путь туда лежал через искусство и, само собой, постель...

* * *

Режиссер Мориц Стиллер стал вторым мужчиной, сыгравшим свою немаловажную роль в жизни Греты. Речь о нем уже шла в предыдущей главе. И все же стоит уточнить: когда они познакомились, Грете исполнилось 17 лет, Стиллеру – 40. К тому времени он успел снять десятки фильмов и был известен как один из талантливых режиссеров Европы.

Вездесущая молва утверждала, что Стиллер относился к женщинам с прохладцей, предпочитая им юношей. Однако его встреча с Гретой Густафсон явилась для него спасительной отдушиной от сплетен: они стали неразлучны, к тому же эта худышка телосложением напоминала юнца, да и ходила она, по свидетельству друзей, по-мальчишески размашистой походкой. Впоследствии Грета расскажет о некоторых нюансах в их отношениях: «Моша был очень добр ко мне. Помню, как он восхищался моими ногами. «Вы только посмотрите на ее лодыжки! Вместе с каблуком они образуют чудесную линию», – говорил он».

Стиллер стал обучать партнершу многим вещам. Надо полагать, что и ее безрассудства в сексе – спать то с мужчинами, то с женщинами – идут именно от этой связи с бисексуалом. Ее система координат в любовной сфере была разрушена самым нещадным образом. Беспорядочный секс, мишура и корыстолюбие стали отныне сопровождать ее актерский талант. Впрочем, биографы звезды могут возмутиться такой оценкой, но мало кто в наше время называет вещи своими именами...

Режиссер неоднократно заявлял, что мечтает встретить «сверхчувствительную, духовную, мистическую особу». Красивая, молодая, неопытная девушка стала великолепной ареной для экспериментов: в сфере любви, психологии, дружбы и кино.

Она была молчаливой, отчего казалась запуганной, нуждающейся в защите. Безвольной – что помогало ему в ее «воспитании» и обучении. Скучной – тем самым делая его в глазах окружающих Богом. Эта неинтересная воспитанница, серая личность никоим образом не могла быть помехой для других любовных связей Стиллера или для его карьеры.

Но раз выбрав, режиссер решил превратить свою возлюбленную в удачный проект, приложив усилия для ее раскрутки. Стиллер решил, что обычная фамилия «Густафсон» не подходит к его протеже, и придумал псевдоним «Гарбо».

Вскоре Стиллер снимает фильм «Сага об Йосте Берлинге», но успех юной звезды (Грета снята в главной роли) замечают не на родине, в Швеции, а в Берлине. Берлин в те годы считался центром европейского кинотворчества, и стоило фильму-саге появиться на немецких киноэкранах, как вся Германия заговорила о режиссере и актрисе как о выдающихся деятелях киноискусства.

Грета Гарбо была воплощением той знаковой красоты начала XX века, которая в Германии получила название «нордической». Шведскую актрису немецкая пресса восторженно прозвала «Нордической принцессой». Пройдет совсем немного времени – каких-то десять или двенадцать лет, и шедевральное нацистское кино наполнится лицами однотипных нордических принцесс: от Марлен Дитрих до Ольги Чеховой.

После такого ажиотажа прежде никому не известная звездочка получила предложение сняться в фильме немецкого режиссера Пабста «Безрадостный переулочек».

Впоследствии ее новые заокеанские друзья отметят в своих книгах и мемуарах: «По мнению Розамон, естественность и благородная утонченность ее игры в «Безрадостном переулочке» – лучший образец актерского мастерства из всех виденных ею на киноэкране»; «Сколь загадочно прекрасна была она в роли бедной сироты – ее первой крупной роли в немецком фильме «Безрадостный переулочек». Воистину, такой красоты мы еще ни разу не видели. Она походила на бледный выюнок, и ее игра была столь проста и столь трогательна, что у вас тотчас возникал

вопрос: «Так почему же ни одна другая актриса не играла так до нее?» Ее улыбка казалась такой естественной и искренней. Что может быть проще, чем так улыбаться?»

Как раз в то же время в Берлин в поисках новых талантов приехал представитель голливудской студии «МГМ»; он заключил контракт со Стиллером, предполагавший приезд последнего в Голливуд вместе с его протеже – Гретой Гарбо.

Как мы уже знаем, за океаном судьба не была благосклонной к нему, и Стиллер, увидевший, как все ярче и ярче начинает сиять звезда, еще недавно делившая с ним постель, одну за одной теряет свои позиции. Его талант здесь не нужен – более успешные соплеменники уже давно и активно делят «лакомый пирог американской кинокультуры» и, по всей видимости, ему уже поздно ввязываться в драку.

К тому же оказывается, что в пылу страстей Стиллер где-то подцепил чахотку; в солнечной Калифорнии туберкулезный процесс быстро распространился на оба легких. Через два года после своего приезда режиссер возвращается в Европу.

9 ноября 1928 года Грета Гарбо получила известие о смерти Морица Стиллера.

Один из близких знакомых Греты Гарбо – фотограф Сесиль Битон описывал такие подробности из жизни звезды времен покорения ею Америки: «Еще в Швеции, будучи совсем ребенком, она попала на глаза Морицу Стиллеру, тот дал ей книги для чтения, занялся ее образованием, влюбился в нее и сделал ее своей любовницей. Она боготворила его. Ему уже стукнуло пятьдесят, и в ее глазах он стал олицетворением успеха в обществе, ума, всего того, что подстегивает в нас интерес к жизни. Он привез ее в Голливуд. У нее был роман с Джоном Гилбертом. Впервые она столкнулась с кем-то, кто был еще молод. Стиллер пришел в бешенство от того, что она влюбилась в этого недоумка Гилберта и даже ушла от него. Стиллер бросил Голливуд, умер, и Гарбо едва не наложила на себя руки от горя и раскаяния».

Впрочем, никакого страшного отчаяния и слезного раскаяния не было... Гарбо была увлечена сказочным потоком Великого кино и спешила насладиться связями с иными людьми... Хотя позже – в престарелом возрасте – она признала: «Для меня существовал только один режиссер – Мориц Стиллер, Моша. Когда мне было 18 лет, он дал мне первую большую роль в фильме «Сага о Йосте Берлинге». Моя героиня Элизабет Дона была итальянской аристократкой. Думаю, я получила эту роль потому, что никто не считал меня типичной шведкой ни в самой Швеции, ни в Голливуде. Кстати, в моем первом американском фильме мне пришлось играть испанку... Моша был очень талантливым режиссером, он шел впереди своего времени, особенно если сравнить его картины с американскими лентами, которые были либо неправдоподобно драматичны, либо эксцентричны. Я надеялась, что он станет лидером Голливуда, но этого не произошло. Американцы просто проигнорировали его. Они совсем не понимают европейцев... Моша дал мне несколько заповедей, которыми я руководствуюсь до сих пор:

Не сплетничай и не делай никаких замечаний о других людях. Лучше помолчи.

Каждый человек – уникален. Будь сама собой.

Не пытайся стать Нормой Ширер».

Глава 3

Харри Эдингтон. Как покорить Голливуд

Первый фильм Греты Гарбо в Голливуде «Поток» (1926) основывался на новелле очень популярного в те годы писателя Бласко Ибаньеса. Сюжет фильма незатейлив и тривиален, но, как и все удачные мелодрамы, способен покорить сердца простых зрителей, живших и в начале XX, и в начале XXI века.

На экране развернулась любовная драма. Сын богатых землевладельцев по имени Рафаэль влюбляется в крестьянку Леонору. Но родители парня восстают против этой связи и заставляют девушку уехать из родной деревни. После разных перипетий и блужданий Леонора оказывается в Париже, где становится знаменитой певицей. Самые богатые люди добиваются ее расположения, но она любит только своего незабвенного Рафаэля. Наконец наступает день, когда Леонора решает навестить любимого. Но в результате внезапного мощного наводнения река превращается в бурный поток и не дает певице добраться до дома. Так силы природы разделяют влюбленных, теперь уже навсегда... Публика рыдает, сочувствуя знойной испанке в лице «нордической принцессы» – скандинавской актрисы Греты Гарбо.

Следующим фильмом с Гарбо стала лента «Соблазнительница» (1926), также снятая по произведению Бласко Ибаньеса. Благодаря сюжету, внешности и актерской игре за Гретой отныне закрепилось амплуа «роковой женщины». Окончательно оно было подтверждено следующим фильмом – «Плоть и дьявол», имевшим грандиозный успех благодаря участию в нем популярного красавчика Джона Гилберта.

Вдохновленное успехом, руководство студии «МГМ» в четвертый раз предложило Гарбо выступить в роли соблазнительницы в фильме с красноречивым названием «Женщина, которая любит брильянты». Однако роль вечной корыстолюбивой соблазнительницы порядком надоела актрисе, и та решает показать свой нрав. Однако в итоге оказывается в проигрыше. Она признается: «Я очень испугалась, когда после фильма «Плоть и дьявол» поняла, что обречена на веки вечные играть роли вамп. И я отказалась выйти на съемочную площадку. Они в руководстве МГМ подумали, что я сошла с ума, поскольку такие вещи в Голливуде были не приняты. Но я просто потеряла голову. Чувствовала себя униженной, усталой, не могла спать. Но главная проблема состояла в том, что я не ощущала себя настоящей актрисой...»

Отказ имел не только творческую, но и финансовую подоплеку: во-первых, молодая актриса видела тот ажиотаж, с которым везде демонстрировался фильм «Плоть и дьявол»; во-вторых, ее партнер Джон Гилберт получал в неделю 10 тысяч долларов (тогда как она – всего 600 долларов).

Немец по происхождению, известный голливудский режиссер Майер грозил нешуточными санкциями. Прокатные фирмы охватила паника, поскольку в их распоряжении больше не было фильмов с участием Греты Гарбо. И тогда ситуацию спас Гилберт. Знаменитый актер предоставил в распоряжение шведки своего агента Харри Эдингтона.

При его непосредственном участии 1 июня 1927 года актриса подписала новый контракт, согласно которому ей полагалось 5 тысяч долларов в неделю, или 260 тысяч долларов в год.

Харри Эдингтон предпринял и другие важные шаги относительно будущего божественной красотки Гарбо. Пообщавшись с ней и убедившись, что ее умственные способности более чем скромные и что в ее образовании видны явные пробелы, искусный агент запрещает Гарбо контактировать с прессой и давать интервью. Также он добился того, чтобы ее перестали фотографировать для рекламных фотографий «МГМ», чем сильно повысил ее статус.

Это благодаря Харри Эдингтону за Гретой Гарбо закрепился миф как «о таинственной, загадочной Гарбо, шведском сфинксе, мудром и молчаливом». Впрочем, о его истинной роли

в судьбе кинодивы его современники даже не догадывались. Кстати, публика, наблюдавшая противостояние стойкой актрисы и киногоганта, была уверена, что победа одержана Гарбо лишь благодаря ее необыкновенной мудрости.

«Эдингтону нравилось управлять женщиной, которую обожали миллионы зрителей»; агент следил за тем, чтобы его клиентку звали только Гарбо, превращая тем самым ее фамилию (псевдоним) в бренд. По его настоянию актрису на студии постоянно сопровождали две преданные и молчаливые черные служанки. И Гарбо, получившая явные преимущества во всем, нежным обожанием выказывала свою признательность Харри.

«Миф о Гарбо как истинной королеве Голливуда все больше входил в практику кино», – утверждают об этой ситуации журналисты, пишущие о кино.

И немногие знали, что одиночество – не только картинный образ повседневной жизни звезды, но и реалии ее существования. Думаю, если присмотреться внимательно ко всем ее фотографиям, мы увидим прекрасную женщину, в чьих глазах застыло бесконечно глубокое вселенское одиночество...

Созданный Эдингтоном стиль поведения идеально соответствовал личности самой Греты Гарбо. Замкнутая и неразговорчивая от природы, она всегда предпочитала одиночество. Даже во время съемок актриса пользовалась любой возможностью, чтобы прогуляться, побыть наедине с собой. Как утверждают киноманы, «Вплоть до глубокой старости одинокие прогулки являлись для нее лучшим времяпрепровождением. Как только начинался дождь, Гарбо быстро одевалась и отправлялась гулять. Пелена дождя служила для нее лучшей защитой от посторонних взглядов». Забегая далеко вперед (впрочем, это неотделимо от ее образа), можно сказать, что колы папарацци считали за удачу снять престарелую Гарбо хотя бы со спины и разместить эти фото в прессе, слова о ее бесконечном одиночестве, привлекающем взгляды любопытствующих до последних дней ее земной жизни, – вовсе не досужая писательская выдумка.

* * *

Грете Гарбо действительно удавалось избегать яркой, шумной, звонкой, мишурной стороны кинематографической жизни. Ее крайне редко можно было встретить на светских вечеринках; она придерживалась строгой диеты, состоящей из рубленых бифштексов с жареным картофелем и яйцом, за которыми полагался кусочек нежирного пирожного и свежий фруктовый сок.

А вот биограф актрисы Хьюго Виккерс в книге «Грета Гарбо и ее возлюбленные» пишет: «Талула Бэнкхед заметила, что ее загадочность «густа, как лондонский туман». Иногда на протяжении всей ее жизни случалось так, что туман слегка поднимался, Гарбо поддавалась безотчетной веселости и, перед тем как снова замкнуться в своей скорлупе, на считанные мгновения становилась душой компании». Жаль, что нам чаще предстоит говорить о *шведско-голливудском сфинксе* как о грустной женщине, чем делать акцент на ее веселость и безудержную жажду жизни. Вместе с тем мы попытаемся раскрыть загадку ее вечной грусти и вечного одиночества.

Несмотря на то, что актриса в противостоянии с «МГМ» решила, что больше не будет играть плохих и роковых женщин, ситуация от нее не зависела. Да и агент Эдингтон, которому удалось многократно повысить гонорар клиентки, не мог повлиять на репертуарную политику. Впрочем, он и не желал этого делать, ибо прекрасно понимал, что Гарбо нужна киномельцам и публике лишь как знаменитая «роковая женщина американского экрана». Зачем же уничтожать курицу, несущую золотые яйца?

Не только внешность шведки, но и манера игры Гарбо выгодно отличалась от других исполнительниц волнующим психологизмом и неподдельной искренностью.

Критик Артур Найт, рассуждая о притягательности Гарбо в любовных сценах, написал: «...Наступал тот непревзойденный момент, типичный для всех фильмов Гарбо, когда в ней

что-то прорывалось, когда все доводы против любви, какие только могли прийти в голову сценаристам, отбрасывались в сторону, и, издав нечто среднее между рыданием и экстатическим возгласом, она бросалась в объятия возлюбленного. В такие моменты каждый мужчина в зрительном зале воображал, будто сжимает в объятиях эту прекраснейшую из женщин, и, неожиданно обезоруженный, открывал для себя такие глубины чувственности, какие требуют целой жизни, чтобы утолить эту жажду любовных восторгов».

* * *

В 1930 году у фотографа Сесилия Битона (речь о нем еще пойдет позже) в Галереях Кулинга состоялась выставка, а вскоре он опубликовал свою «Книгу Красоты», над которой работал несколько лет, настигая красавиц чуть ли не по всему миру. И хотя ему так и не удалось обзавестись фотографией актрисы-затворницы Гарбо, он включил в книгу следующее описание: «Несколько лет назад, в кафетерии какой-нибудь голливудской киностудии, вам нередко могла попасться на глаза надутая, угрюмая блондинка, сидящая за столом в полном одиночестве. Она с трудом могла объясниться по-английски, почти все окружающие были ей ненавистны, вид у нее самой был самый что ни на есть жалкий, впрочем, так оно и было. В Голливуде она появилась совсем недавно и имела всего два платья, две шляпки, одну смену белья и ни единого друга. Звали ее Грета Густафсон, короче, Гарбо. Она нередко бывала одиночешенька. Приехала она из Швеции и, подобно многим своим соотечественницам, была блондинкой со светлыми ресницами, то есть едва ли не альбиносской. Выглядела она какой-то нечесаной, и вообще вы бы не заметили в ней ни капли светского лоска. Правда, она неплохо получалась на фотографиях, и компания частенько использовала ее для рекламных фото, на которых она позировала в гротескных позах и нарядах. Для придания картинке изюминки они обязательно выищут какое-нибудь абсурдное животное из бездонных запасников реквизиторской. На подобных фотографиях у этой молодой женщины появлялось некое редкое необъяснимое качество. Вскоре она значительно улучшила свою внешность: стала краситься резко и непривычно, но по-своему весьма привлекательно – густо подводя веки, а брови выщипывая в форме усиков бабочки. Она напоминала одну из тех бледных обитательниц подводного мира, некую эфемерную русалку или наяду, мелькнувшую в дрожащем зеленоватом свете морских глубин, с длинными волнистыми волосами и обилием перламутровых раковин. Сегодня эта молодая женщина – та самая Гарбо, как теперь ее все называют, – являет собой самую знаменитую в мире фигуру. Найдется ли кто другой, кто затмил бы ее магнетизм, ее полную романтики или экзотики личность? Мы еще не имели другой, столь же привлекательной во всех отношениях звезды. Грета Гарбо по праву зовется королевой Голливуда, ее гонорары баснословны, ее слово – закон. У нее округлое лицо с заостренными чертами, ее рот широк и похож на нож. У нее крупные зубы, похожие на хорошо подобранные по размеру жемчужины, глаза у нее светлые, а ресницы столь длинны, что когда Гарбо закрывает веки, то они касаются ее щек. Цвет ее лица поражает какой-то неземной белизной и столь нежен, что кажется, будто у нее кожа на один слой тоньше, чем у других людей, и поэтому стоит ей слегка нахмуриться, как это тотчас становится заметно. Своими плавными томными движениями она скорее напоминает пантеру или русалку, и пусть она высока ростом, с крупными руками и ногами – есть в ее внешности нечто от эльфа. <...> Вся ее кинороль стала лишь мимолетной фазой ее существования, которая, как вам кажется, началась и закончилась вместе с ней. С ее чуть безумной внешностью, с глазами, в которых читаются какие-то странные мысли, и усталой улыбкой, она – воплощение леонардовской Джоконды; ясновидящая, которая, будучи наделена некой только ей известной мудростью, знает и видит все».

Поразительная характеристика для человека, который в ту пору не был еще влюблен в нее... или все-таки был?!

Любопытно, что еще во время подготовки своей «Книги красоты» Сесиль, вернувшись зимой 1929 года в США, чтобы сделать снимки новых знаменитых красавиц, сразу отправился в Голливуд, заявив, что не остановится, пока не заполучит для своей книги фотографию Гарбо. «Без нее никак не обойтись, какими бы ни были ее размеры. Гарбо – это личность, она обладает совершенными формами, не говоря уж о ее классической красоте». Однако благодаря отшельническому образу поведения Гарбо фотограф, снимавший практически всех знаменитостей, так и не мог найти свою модель. Это обстоятельство заставило его просто помешаться на мысли всеми мыслимыми и немыслимыми способами заполучить ее фотографию. «Она единственная, в ком есть светский лоск. Ей льстят, перед ней заискивают, говоря, что она пользуется колоссальным успехом, но отказывается видеть своих почитателей. Женщины каждый день шлют ей орхидеи, мужчины звонят по междугородному телефону в надежде услышать ее голос. Ей до этого нет ровно никакого дела, и то, что ей до этого нет никакого дела, и то, что она даже не собирается показываться публике, только подогревает всеобщую истерию, и так же, как и я, все дошли едва ли не до умопомешательства, желая видеть ее, и, между прочим, благодаря этому обстоятельству ее имя теперь у всех на устах».

Глава 4

Джон Гилберт. «Гарбо и Гилберт в «любви»!»

Девушка с кожей на тон светлее, чем у остальных, речная наяда (по словам Сесилия Битона) Грета Гарбо продолжала искусно играть роли соблазнительниц. С началом эры звукового кино ее репертуар мало изменился. Как уже упоминалось, с приходом звука многие звезды были вынуждены покинуть кинематограф, но молодая шведка и здесь «с блеском выдержала роковое для многих исполнителей испытание. Ее низкий, усталый голос даже усиливал загадочную притягательность ее героинь». А вот ее многолетний напарник по сценической площадке и любовник, о чем шептались все, мало-мальски причастные к публичному искусству, Джон Гилберт, вдруг обнаружил, что его голос за кадром слишком писклявый и ему не пережить новую эпоху кино.

Нелишне напомнить, что в начале своей голливудской карьеры Гарбо снялась в фильме «Любовь» (1927), являвшемся, по сути, вольным пересказом на языке кино знаменитого романа Льва Толстого «Анна Каренина». Это простое название придумал хитроумный кино-агент Эдингтон. Ход был поистине гениален: рекламные фирмы смогли написать крупными буквами «Гарбо и Гилберт в «Любви». Фактически – охотно обсуждаемая всеми сплетня, вынесенная в заголовки. Реклама оказалась столь удачной, что вошла в историю кино. Образ русской дворянки Анны, влюбленной и страдающей, так увлек актрису, что в 1935-м, в годы становления звукового кино, она решила сыграть его еще раз, значительно усилив трагедийное начало.

Что же касается Гилберта, то пришла пора рассказать одну любопытную историю. Едва попав в Голливуд, красавица Грета была окружена толпами поклонников, жаждавших хотя бы прикоснуться к диве. И первым страстным романом в США стал у нее роман с Джоном Гилбертом. Когда они встретились, Гилберту было 29, Гарбо – 22 года. Познакомившись, они стали бывать везде вместе: вместе обедали, ездили на пикники и в гости. Он называл ее Флика (по-шведски «девушка»), она его на такой же шведский манер – Яки. Но свадьба, о которой так много сплетничали и писали в прессе, не состоялась, потому что Гарбо... убежала прямо из-под венца.

Джон Гилберт вскоре женился, причем уже в третий раз. Но, как полагают, «от травмы, нанесенной отказом Гарбо, так и не избавился. Впрочем, и она, как оказалось, продолжала испытывать странное чувство любовной привязанности «к своему Яки».

Обратившись к свидетельству английского актера Лоренса Оливье, мы узнаем совершенно потрясающий эпизод. В 1932 году Оливье получил предложение исполнить роль испанского посла Дона Антонио, возлюбленного королевы Христины. И вот, по его словам, «появилась Гарбо, одетая в некое подобие пижамы. Между пальцами болталась сигарета. Мы стали репетировать сцену, в которой Дон Антонио узнает, что юноша на самом деле – переодетая женщина. Мамулян начал объяснять. Гарбо он сказал, что в ее глазах должна вспыхнуть страсть, которая потом заставит ее отречься от престола и покинуть родную Швецию. Я прикасаюсь к Гарбо – ее рука становится холодной, взгляд каменеет, и складывается впечатление, что эта женщина из мрамора. Мамулян просит Гарбо внести в игру больше огня. Мы начинаем все сначала, и опять на нее нападает оцепенение. «Грета, есть мужчина, способный разбудить тебя?» – кричит Мамулян. Выясняется, что это Джон Гилберт, с которым Грета часто играла раньше. Привели Гилберта. Я снял костюм и передал ему. И когда Гарбо увидела Гилберта, в глазах загорелся странный чудный свет. Что-то такое произошло внутри нее. Гилберт пробудил в ней глубокие эмоции. Мы все были свидетелями удивительного явления – реакции Гарбо на человека, которого она когда-то любила. Мамулян пришел в восторг. Вместо репетиций он

сразу начал снимать. Я знал, что в этот момент теряю роль. Но я понимал, что Джон Гилберт тот человек, который может завоевать эту королеву, и не стал возражать».

Этот же эпизод, по свидетельству самой Греты Гарбо, выглядит так же трогательно: «Благодаря тому, что я сыграла королеву Христину, теперь весь мир знает, кем она была и что ей пришлось пережить. В «Королеве Христине» я вновь играла вместе с Гилбертом. Вначале на роль Дона Антонио, возлюбленного королевы Христины, планировался Джон Баримор, но он был слишком стар. Потом возникла идея пригласить англичанина Лоренса Оливье. Однако мне он показался слишком юным. И, честно говоря, я не представляла, как можно играть в интимных сценах с совершенно незнакомым человеком. И тогда я предложила Гилберта. Правда, у него был слишком тонкий голос, из-за чего его карьера пришла в упадок. Но техники научились творить чудеса. Джон был слишком страстным в некоторых сценах, так что мне не раз приходилось напоминать ему, что он теперь женатый человек и должен прежде всего думать о спокойствии своей семьи».

* * *

Первый звуковой фильм Греты Гарбо «Анна Кристи» пользовался немалым успехом; не удивительно, что была снята его немецкая версия, а сама актриса после проката киноленты приобрела мировую известность.

Среди звуковых фильмов с красавицей Гарбо следует назвать «Роман» (1930), «Вдохновение» (1931), «Сьюзен Леннокс: ее падение и возвышение» (1931), «Мата Хари» (1931), «Какой ты меня хочешь» (1932). Во всех этих картинах без исключения Гарбо исполняла роли роковых соблазнительниц, она также призывно сверкала глазами, магически опускала ресницы и страстно целовалась в кадре.

Впрочем, успех пошел ей на пользу. Она больше не была робкой девчонкой, действующей по воле боссов студии. Дружба с Харри Эдингтоном научила ее грамотному поведению в мире больших денег. Еще недавняя, по сути, нищенка вдруг обрела силу и власть.

В 1932 году при подписании нового контракта Гарбо настояла на том, чтобы в контракт были внесены весьма выгодные условия: 250 тысяч за каждый фильм; также она добилась права самостоятельного выбора ролей и даже... членов съемочного коллектива. Теперь только она одна могла решить, кто будет ее партнером-любовником. Эти условия позволяли Гарбо расширить свой репертуар.

С годами у Гарбо еще больше проявилась деловая хватка. В 1933 году актриса, избегавшая появляться на людях, вдруг санкционировала массовое производство своего... миниатюрного бюста и получила от этого недурной доход. В продажу шли даже личные вещи звезды; к примеру, красные резиновые сапожки Гарбо, в которых она любила гулять под дождем, были проданы на аукционе за приличную сумму. Поклонники звезды щедро одаривали ее не только своей любовью...

* * *

В 30-е годы Гарбо сыграла несколько знаковых фильмов. «Королева Христина» появился в 1933-м; фильм, как писали некоторые критики, «ясно показал, что феноменальная эротическая притягательность Гарбо не имеет признаков пола. В мужском костюме она была едва ли не более привлекательна, чем в женском платье».

Странные времена и странные нравы; XX век не только убил настоящую Женщину, но и породил новую – хрупкую, дистрофичную, сверхсексуальную и при этом по-феминистски боевую. Именно такие светились на экране; именно для таких шила свои наряды великая Коко Шанель (вспомним, что Коко даже какой-то период обшивала голливудских актрис).

Вершиной кинопериода 30-х годов было суждено стать фильму «Дама с камелиями» (1937), подтвердившему талант Гарбо как трагической актрисы кино. Снимаясь в роли умирающей от туберкулеза куртизанки Камелии, она сама тогда много и часто болела, что придало фильму жизненную достоверность. «На съемках «Камелии» я часто болела. В перерывах приходилось подолгу отлеживаться в гримерной. Моим партнером был замечательный молодой человек, может быть, чуть-чуть застенчивый – Роберт Тейлор. Он видел, как мне плохо, и делал все, чтобы облегчить мои страдания. Зная, что я люблю музыку, он приносил с собой граммофон и пластинки. Ведь киностудия – та же фабрика. Необходима поддержка, чтобы окончательно не упасть духом... Очень жаль, что Роберт Тейлор умер совсем молодым. Как и я, он много курил и заработал рак легких. Ему даже не было шестидесяти, когда он умер». Таково было запоздалое признание актрисы.

Известен факт, что дочь Александра Дюма, видевшая на сцене самых знаменитых актрис того времени Дузе и Бернар, после просмотра «Дамы с камелиями» поставила Гарбо выше этих именитых исполнительниц. Об этом упоминала в одном из интервью Грета Гарбо. «Не могу сказать, что героиня вызывала у меня какие-то особые симпатии. Достаточно посмотреть, какую профессию она себе избрала. Конечно, роман Дюма я прочитала с большим интересом. Как ни странно, но на эту работу я получила много откликов. Например, мне написала жена Мао Цзедуна и сообщила, что так часто смотрела фильм, что совершенно испортила пленку. Пришло письмо от дочери Дюма. Она утверждала, что я играю лучше Дузе и Бернар, которых она видела на сцене. Она не сомневалась, что если бы ее отец посмотрел фильм, то обязательно влюбился бы в меня».

Грета Гарбо воспринимала успех фильма с легким недоумением – ей все еще казалось, что она создана для лучших, более глубоких ролей.

В 1938 году актриса снялась в комедии «Ниночка» (фильм вышел на экраны в следующем, 1939-м). Роль получилась удачной, но поклонники актрисы были недовольны: они желали видеть ее только в ролях роковых героинь с трагическими судьбами. Несмотря на подобное восприятие публикой, именно роль Ниночки оставалась до конца ее жизни любимой ролью актрисы.

Глава 5

Сесиль Битон. Неразрешимая загадка красоты

Мечта фотографа Сесили Битона исполнилась: ему было двадцать восемь, когда в 1932 году он наконец-то встретил Гарбо на вечеринке.

Мы помним, что Сесиль уже несколько лет был без ума от Гарбо и, находясь в Калифорнии, преследовал ее буквально по пятам, желая заполучить ее фото для обложки «Вога» или для книги, над которой он тогда работал. Был период, когда фотограф вернулся в Англию. И вот, наконец, в построенном в испанском стиле роскошном особняке Гулдинга, где остановился Битон, знаменитый фотограф и кинозвезда встретились. Внезапная встреча затянулась до рассвета.

Грета Гарбо была на полтора года младше его. Их связь развивалась бурно, но, как всегда, – вдали от посторонних глаз. И эта пресловутая закрытость – единственная причина, по которой так сложно описать взаимоотношения Гарбо с близкими ей людьми.

Некоторое время Сесилу удавалось скрывать их встречи и даже хранить молчание на публике, но летом 1934 года он публикует несколько портретных зарисовок кинозвезд в книге «Очерки». Часть текста посвящена Гарбо. Эта же зарисовка воспроизведена почти полностью и в книге «Беглые заметки Сесили Битона» (1937 год). Для опубликования этого наглядного портрета мы обратимся к известной книге уже называемого нами биографа Хьюго Веккерса. Он пишет: «Поскольку сегодня их практически невозможно отыскать, поскольку они весьма точны и, самое главное, поскольку, с некоторым запозданием, они стали причиной крупной ссоры между Сесилем и Гарбо, мы сочли нужным привести их полностью.

«Гарбо. Она прекрасна, как северное сияние, но если мы сравним Грету Гарбо на экране и в жизни, это будет подобно сравнению де Ласло с Леонардо. Тот образ, что предстает перед зрителем, полон магнетизма, он весел, трагичен, чувствителен, исполнен мудрости, но и другие актрисы притягивают и завораживают нас до тех пор, пока не остановится кинопроектор и иллюзия, созданная режиссерами и их помощниками, не уступит место действительности. Лишь только Гарбо, после того как погасли софиты и убраны декорации, вместе с дождевиком набрасывает на себя благородство. В реальной жизни она обладает таким разнообразием качеств, которые экран просто не способен воспроизвести с технической точки зрения, так что даже если бы она и не являлась обладательницей самого красивого лица нашего времени, все равно все остальные современные красавицы меркли бы по сравнению с нею.

Кожа ее гладка как мрамор и обычно покрыта легким, абрикосового или медового оттенка загаром; ее волосы на ощупь нежнее шелка, блестящие и ароматные, подобно волосам младенца после купания. Ее нос столь чувствителен, что, кажется, способен ощущать тончайшие ароматы, которые недоступны окружающим и которые, возможно, исходят от ее собственной красоты. Зубы ее крупны и сверкают ярче жемчужин, а ее чувственный рот на самом деле очерчен более тонко, чем это кажется на фотографиях. Что же касается ее глаз, то таких еще просто не было в природе. В них читается и любопытство, и сострадание, и томность, они глубоко посажены и поражают незабываемой голубизной. У них темные крупные зрачки, а ресницы столь длинные, что невозможно поверить, будто они настоящие, ведь только у детей, да и то не у всех, мы встречаем столь поэтическое украшение. И Гарбо обладает такой трагичной детскостью.

Губная помада и лак для ногтей тускнеют рядом с ней. Она не пользуется косметикой, за исключением черной символической линии на веках – это символ вневременной моды, неизвестный доселе нашей цивилизации, символ, подсказанный инстинктом и который мир тотчас поспешил перенять. Она подобна Дебюро, бледная, неприкаянная, воздушная или же безрас-

судно веселая. Ее руки, хотя она и зовет их руками кухарки, длинные и сильные, с квадратными ногтями. Она с вызовом вдыхает дым сигареты, зажатой двумя прямыми пальцами.

Действительно, она постоянно прибегает к помощи рук и, будучи прирожденной актрисой, сопровождает свою речь жестами и мимикой. Высокого роста, она, однако, пропорционально сложена, а ее ступни – узкие и длинные, как у греческой статуи. Она ловка и подвижна, можно даже сказать, настоящая гимнастка. Ее одежда всегда поражает элегантностью, хотя и лишена присущего женским нарядам изобилия рюшек и складок; собственно говоря, у нее даже нет вечернего платья. Она покупает себе одежду в местном магазине Армии и Флота, где моряки и прочий рабочий люд приобретают себе комбинезоны и свитера.

Правда, все эти качества можно было бы при желании обнаружить не у одной только Гарбо. Магия же, которая интригует и озадачивает многих мечтателей, неуловима и обманчива. Даже самые неутомимые из ее почитателей приходят в отчаяние от того, что не могут разгадать секрет ее притягательности. В резком повороте головы, в открытом, откровенном выражении лица, в мальчишеских гримасах, в надменном взгляде из-под полуопущенных век, таком высокомерном и равнодушном, что у другого наверняка считался бы признаком непомерной гордыни, – во всех этих проявлениях осознанной красоты, которая при малейшем подражании становится неуклюжей, или самонадеянной, или смехотворной, во всем этом есть нечто такое, что Голливуд не способен уничтожить. В присутствии этой неразрешимой загадки все остальное тускнеет и меркнет. Она презирует те фильмы, в которых «вынуждена сниматься. Диалоги вызывают в ней скованность, и она то и дело ворчит, что ей приходится изображать из себя секс-символ. Ей бы хотелось играть романтические роли – Жанну д'Арк или Гамлета, а ее заветная мечта – сыграть Дориана Грея. Ей бы ужасно хотелось играть с теми актерами, что наделены искрой божьей и вдохновением, однако режиссер подсовывает ей вещи вроде «Маты Хари», поскольку с его точки зрения нет причины менять политику, и после вялых и недолгих споров она, скрепя сердце, вынуждена сдаться.

Она наделена чувством юмора и подчас способна предаться веселью, однако несчастна, неврастенична, болезненна, поскольку совершенно случайно, вопреки себе самой, стала той, кем вовсе не собиралась быть. Здоровую крестьянскую девушку разрекламировали как некую экзотическую шпионку. Она должна соблюдать диету, ей запрещено прикасаться даже к морковке, так что не только здоровье, но и ее нервы пострадали от треволнений популярности. Если случайно замечают, как она спешит по переулку, то тотчас кидаются за ней вдогонку, чтобы разжиться какой-нибудь историей, и эта нескончаемая охота изнуряет ее, и, доведенная до предела, она бросается в слезы и запирается у себя в комнате на несколько дней, отказываясь впускать даже горничную. Она даже не в состоянии читать. По этим причинам она неспособна развиваться как личность. Прекрасно, что она оберегает себя от тлетворного влияния Голливуда, но Гарбо теперь настолько замкнулась в самой себе, что даже когда время от времени позволяет себе отдых, он не становится для нее событием. Ее ничто и никто в особенности не интересует, она несносна, как инвалид, и столь же эгоистична и совершенно не готова раскрыть себя кому-либо; из нее получилась бы занудливая собеседница, постоянно вздыхающая и полная раскаяния. Она суеверна, подозрительна, и ей неизвестно значение слова «дружба». Любить она тоже не способна. Она поверила в роль королевы Христины и страхнула с себя апатию, в результате чего мы увидели Гарбо не как фантом, а как реальную и полную благородства личность. В течение последующих лет мы начали задаваться вопросом, почему же эта неразрешимая загадка с ее романтическими идеями и духовными исканиями не сделала дальнейших усилий, чтобы освободиться от оков, которые, если верить ей, она всей душой презирала. Затем последовала «Дама с камелиями». Ее трактовка роли Маргариты наполнила юмором и жизнью набивший оскомину роман. Ко всеобщему удивлению, роль получилась просто потрясающая. Мельчайшие оттенки эмоций и веселье начальных сцен не шли ни в какое сравнение с прежним безразличным весельем. Гарбо превратилась в любящее, страдающее человеческое

существо. Когда она умирала, то у нее был не просто больной вид – у нее был вид человека, который провел в постели долгие месяцы. Она была так слаба, что не могла даже улыбаться, сохранив, однако, гордость, присущую статуям Бернини. В какие-то моменты казалось, что она вобрала в себя всю мудрость Лилит, и именно благодаря всему этому мы впоследствии задавались вопросом, играла ли она с истинным пониманием или же ею двигал один лишь голый инстинкт. Если она способна создавать такие шедевры, то непременно должна появляться в ролях, исполнить которые по силам только ей. Но вполне возможно, что магия ее обманчива, и поэтому, введенные в заблуждение великой актрисой, мы создаем из нее идеал, которым она никогда не станет».

Как видим, в его рассказе ничего не говорится об их близких, интимных отношениях. Как не говорится и о связи Гарбо с другим претендентом на ее сердце – вернее, претенденткой. Ею была поэтесса и драматург Мерседес де Акоста. Эта любовная связь развивалась параллельно с романом Греты Гарбо с Сесилем Битоном.

И если Сесиль всячески подчеркивал нелюдимость и отрешенность актрисы, то ее душевная и постельная подруга Мерседес открыла нам другую, неведомую Гарбо: «...Принято думать, что Гарбо нелюдима и серьезна. Это одно из заблуждений, лежащих в основе возведенной вокруг нее легенды. Но все легенды строятся на слухах, на том, что известно понаслышке. Разумеется, она серьезна, коль речь заходит о серьезных вещах, и, разумеется, не носится взад и вперед, нацепив на лицо, подобно большинству американских чиновников, ухмылку от уха до уха. Однако это вовсе не означает, что она нелюдима и ей чуждо чувство юмора. Если на то пошло, только ей по-настоящему свойственно чувство истинного юмора».

Впрочем, кроме юмора поэтесса обнаруживает и другие, казалось бы несвойственные тонкой романтической натуре прекрасной шведки черты. И если раздражение звезды еще можно понять, определив его причины в вынужденной жесткой диете («Гарбо постоянно сидела на диете и, по словам Мерседес, частенько действовала ей на нервы занудным перечислением блюд, к которым она ни за что не притронется»), то как же понять ее этаким детский садизм по отношению ко всяким там букашкам-таракашкам? Вот что рассказывала вегетарианка и страстная любительница животных Мерседес: «У нее была ужасная привычка, найдя в траве или в доме какую-нибудь букашку, обязательно ее сжечь. Она, бывало, подпаливала клещей, пауков, косенок, водяных жуков. Я впервые увидела, как она это делает, когда мы сидели на лужайке и она обнаружила у себя на ноге клеща... Я увидела, как она сняла его с ноги и, чиркнув спичкой, поднесла к нему пламя. У меня внутри все сжалось».

Впрочем, с годами Грета отплатила ей той же *монетой откровения*, когда сказала: «...она причинила мне столько вреда, столько всего нехорошего, она распускала жуткие сплетни и вообще была вульгарна. Она вечно строит какие-то козни, вечно что-то вынюхивает, и ей не заткнешь рта. Она как тот еврей – чем больше грязи вы выливаете на него, тем скорее он возвращается к вам снова».

* * *

Итак, когда знаменитый фотограф и знаменитая голливудская звезда познакомились, был конец мая 1932 года. В это время Гарбо уже имела постоянных любовников в лице актера Джона Гилберта, подруги Мерседес де Акоста и, по всей видимости, Харри Эдингтона. Все остальные были не в счет; случайным и временным в этом *высшем обществе публичного искусства* значения не придавали. Эти связи могли быть как для души, так и для дела. Америка начала 20-х—30-х годов XX века являла собой рассадник беспорядочных связей, впрочем, как и погрязшая в войнах и революциях Европа.

Поздней весной 1932 года Сесиль Битон гостил в Голливуде у Гулдингов. За несколько месяцев до этого Эдди Гулдинг женился на нью-йоркской танцовщице Марджори Мосс, кото-

рая еще недавно сопровождала Мерседес в Калифорнию. То, что у подружек была любовная связь, жениха не смутило. Шафером на их свадьбе был партнер и любовник Гарбо Джон Гилберт.

Конечно же, Сесилию было известно, что Грета иногда навещала Гулдингов, а поскольку ему не давала покоя мысль познакомиться с ней и сделать серию ее фотографий, то он надеялся, что она когда-нибудь все же появится там, пока он гостил у своих друзей.

Однажды Сесиль надел новую куртку из лайковой кожи, шорты из змеиной кожи, белые носки и ботинки. После чего выглянул из окна, осматривая окрестности, и к своему удивлению, увидел Грету Гарбо. Та сидела по-турецки на садовой скамейке вместе с Гулдингами и курила сигарету. Актриса тоже была одета во все белое.

Сесиль спустился вниз...

Далее все, кто описывает сцену их знакомства, обращаются к опубликованному дневнику Сесилия Битона «Годы странствий». Автор подробно описывает эту встречу; из всех встреч эта представляется наиболее интригующей. Сесиль вспоминал, как Гарбо «обрушила на него полный залп своего магнетического очарования, как она восторгалась его молодостью и красотой, его белыми индийскими туфлями, как Гулдинги словно перестали существовать для своих обоих гостей, как они с Гарбо ходили, обняв друг друга за талию, и дружески жали друг другу руки».

В какой-то момент взаимного восхищения Гарбо вынула из вазы чайную розу и, подняв высоко вверх, произнесла: «Вот роза, которая живет, умирает и исчезает безвозвратно». Это была лишь актерская игра; но нельзя забывать, что актерство и стало основой ее видения мира и ее естественного существования. Кавалер взял у нее розу, засушил в своем дневнике, привез домой и повесил в рамке у себя над кроватью. Во время распродажи дома, после его смерти, некий фотограф из Новой Зеландии приобрел эту розу за 750 фунтов стерлингов.

Вечеринка продолжалась, обе пары беседовали, обедали, разыгрывали шарады, мирно потягивали «Беллини». И вот Гарбо принимает приглашение Сесилия посмотреть его комнату и фотографию его дома в Англии. Тогда же произошел их первый поцелуй. Он пишет, что красавица сказала ему: «Ты – как греческий юноша. И если бы я тоже была юношей, я бы сделала с тобой такое...». Фантазии били через край... «Никто не ложился до самого утра. Лампы выключили, и вакханалия при свете камина стала еще более бурной».

Когда наступило отрезвляющее утро, Гарбо села в свой роскошный автомобиль и уехала. «Я с трудом верил в то, что произошло», – признавался он. Сесиль подумал, что больше никогда ее не увидит.

Однажды Сесиль Битон получил письмо от своей подруги – они познакомились в Нью-Йорке в конце 20-х годов и оставались дружны, – которая писала: «Грета сказала мне вчера, что познакомилась с тобой, когда ты был здесь в прошлый раз. Ты же мне ничего не сказал об этом». Давнюю подругу фотографа звали Мерседес де Акоста. И она была близкой подругой Греты Гарбо. После короткой разлуки, ближе к зиме 1933 года, Гарбо и Мерседес возобновили свои отношения.

Глава 6

Покачивающаяся на ветру тростинка, или хрупкость как искусство

О Сесиле Битоне его друзья и коллеги говорили: он сделал себя сам; «На свете найдется не так уж много людей, которые целиком и полностью являются собственными творениями, и он, безусловно, из их числа, абсолютно ничто в его окружении не могло бы натолкнуть вас на мысль, будто этот человек появился на свет из кокона жизни английского среднего класса».

Биография этого человека, запечатлевшего прекрасные лики эпохи, выглядит так.

Дед Сесилия, Уолтер Харди Битон (1841–1904) переехал из графства Сомерсет в Лондон, где, будучи еще молодым человеком, основал фирму «Битон Бразерс». Он занимался поставкой спальных вагонов из заграницы, а также торговлей лесом. Его дела шли довольно успешно. На склоне лет этот солидный и процветающий коммерсант поселился в роскошном доме в Эббот-Лэнгли, в графстве Хертфордшир. После своей смерти он оставил внушительное по тем временам наследство в 154 000 фунтов стерлингов.

Отец Сесилия, Эрнст Битон, женился на крепкой и довольно симпатичной дочери камберлендского кузнеца Этти Сиссон. Их дети росли в Хемпстед, причем все дети учились в хороших школах. К примеру, их сын Сесиль получил образование в Хэрроу (он учился в нескольких школах, в том числе в школе Св. Киприана, где среди его однокашников были Сирил Коннори и будущий знаменитый писатель Джордж Оруэлл – последний описал годы учебы в эссе «Таковы были радости»). Однако торговля лесом захирела после того, как на смену лесу пришли сталь и бетон и деревянные блоки перестали применять при прокладке дорог. Семья, которая в годы процветания переехала на Гайд-Парк-стрит, была вынуждена переселиться в более скромный район Сассекс-Гарденс возле вокзала Пэддингтон.

Хьюго Виккерс свидетельствует: «Сам Сесиль Битон родился в Хемпстед в январе 1904 года. Он был старшим из четверых детей. У него имелся брат Реджи, невыразительный молодой человек, которого Сесиль, можно сказать, затмевал. Он пошел по стопам отца, включился в семейный бизнес и в 1933 году во время депрессии совершил самоубийство, выбросившись из вагона подземки. У Сесилия были также две сестры, немного младше его, которых он очень любил. Когда они подросли, Сесиль наряжал их в одинаковые платья и часто их фотографировал, а фотографии затем нередко весьма успешно продавал в газеты. Сесиль надеялся, что сможет подыскать им приличные партии, и прикладывал к этому неимоверные усилия, соединяя в себе Свенгали и Пигмалиона. В конце концов Нэнси вышла замуж за сэра Хью Смайли, баронета из Гренадерской гвардии. Младшая сестра, Баба, вышла замуж за Алека Хэмбро. Во время Второй мировой войны тот принимал участие в военных действиях и в 1943 году умер от ран в Триполи».

Отец семейства, Эрнст Битон, принимал участие в любительских постановках и у себя в Хемпстед сыграл сорок шесть сезонов в крикет. Но его сын Сесиль мало походил на отца, он больше тянулся к матери и тетке. Старшая сестра матери тетушка Джесси была замужем за боливийским дипломатом. Обе женщины казались восторженному мальчику воплощением светских дам с их благородными манерами и большими связями, в том числе при дворе. Правда, со временем он понял, как сильно заблуждался.

Как мы помним, мальчик любил фотографировать, и уделял этому много времени. Откуда же взялась у него эта страсть? Скорее всего, из-за сильной влюбленности в театр. Сесиль многие годы собирал фотографии знаменитых актрис и однажды под впечатлением этих снимков начал собственные эксперименты с миниатюрной камерой «Бокс Брауни».

Мальчик проявлял и другие таланты. Сесиль выиграл приз на конкурсе рождественского рисунка в 1916 году. Да и его актерские способности рано завоевали признание окружающих. Учась в школе Хэрроу, он с удовольствием принимал участие в любительских постановках и посещал класс живописи.

В 1922 году Сесиль Битон поступил в Сент-Джон-Колледж в Кембридже. «Главным занятием Сесилия в годы учебы в Кембридже стало создание себе имени. В те времена на это стремление посматривали довольно косо. Считалось, что истинный джентльмен может оказаться на страницах прессы лишь трижды: родившись, женившись и отойдя в мир иной», – так сообщают биографы и искусствоведы. «Битон рано понял, что, какими бы талантами ни был наделен любой из нас, вряд ли можно рассчитывать на успех, если результаты трудов никому не известны. Чем большее внимание уделят газеты той или иной постановке, тем больше желающих будет ее посмотреть, а значит, театр получит больше денег, а декорации и костюмы можно будет сделать подороже. То же самое касалось и фотографии. В начале 20-х годов XX века Битон не всегда являлся изобретателем изощренных и порой чересчур надуманных идей в области фотографии, однако не вызывает сомнения тот факт, что именно он добился наибольшего успеха. Например, такой прием, как отражение сидящих в крышке рояля, впервые применили Морис Бек и Хелен Макгрегор. Но именно Битон сделал эти позы знаменитыми».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.